

Ободзинский Валерий

ЗВЕЗДА И СМЕРТЬ ВАЛЕРИЯ ОБОДЗИНСКОГО

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

История замечательного эстрадного певца Валерия Ободзинского могла бы стать сюжетом для мелодрамы: прекрасный от природы голос, быстрая карьера, потрясающая популярность и столь же стремительное забвение более чем на 20 лет. И скоропостижная смерть именно в тот момент, когда все можно было начать заново.

ВЗЛЕТ

Он родился в Одессе на знаменитой Малой Арнаутской улице. Никогда и нигде не учился музыке. Самоучкой освоил контрабас, сам запел.

Ободзинский (из домашней видеозаписи):

— Я пел на пляже, а в это время мои дружки "чистили" карманы публики. В общем, каждый делал свое дело. Работал кочегаром в институте. В 15-16 лет очень сильно пил. Но потом бросил на 15 лет.

Начинал он сразу профессионалом: работал массовиком на затонувшем впоследствии "Адмирале Нахимове", а потом попал в Томскую филармонию.

Павел Шахнарович, директор ансамбля Валерия Ободзинского:

— Я работал в оркестре Олега Лундстрема. Однажды, находясь по делам в Норильске, увидел в одном из концертов мальчика, который играл на контрабасе и очень приятно пел. Это был Ободзинский, которого никто тогда не знал. Я, приехав в Москву, порекомендовал его Лундстрему. В 67-м году ему предложили перейти на работу в Донецкую филармонию. Я поехал с ним. В первом же турне по Сибири — Красноярск, Томск, Хабаровск, Владивосток — прием был великолепный. Поездка длилась два месяца. Появились хвалебные отзывы, записи на радио. С этого момента страна узнала Ободзинского.

Насмотря на обожание публики, Ободзинский не страдал "звездной болезнью". Просто он никогда не заигрывал с публикой, как бы игнорировал ее. Но всегда охотно раздавал автографы, фанатки с ума сходили.

Много лет спустя одна такая фанатка по имени Анна Есенина в очередной раз пришла к нему на концерт.

Анна Есенина:

— В 75-м году я стояла на набережной возле Театра эстрады и "стреляла" билетами, чтобы попасть на его концерт. Люди спрашивали билеты по всему Каменному мосту. Я увидела рядом с Ободзинским некоего господина (им оказался Павел Шахнарович), меня уже знали: я на каждый концерт носила Валерию розы. Подошла и попросила помочь с билетом, а он взял и подвел меня к Валерию Владимировичу. И познакомил.

Анна Есенина — "профессиональная" фанатка. Ее обычное преклонение перед любимым певцом обернулось чем-то гораздо более серьезным. Но это случилось позже.

А пока, на рубеже 60—70-х годов, все складывалось не так уж безоблачно. Ободзинского не очень-то рекламировали — на ТВ его вырезали нещадно. Поэт Леонид Дербенев рассказывал, как на просмотре отснятых материалов новогоднего "Огонька" тогдашний председатель Гостелерадио тов. Лапин сморщился, увидев Ободзинского:

— Уберите Градского!

— Да это не Градский, это Ободзинский!

— Тем более.

Сам Ободзинский рассказывал, как известный своим антисемитизмом Лапин однажды мотивировал отсутствие на ТВ "градских" и "ободзинских": "Хватит нам одного Кобзона".

Все почему-то считали Ободзинского евреем, хотя он был наполовину поляк, наполовину украинец. Сам он шутил: "У меня папа-мама русские, а я — еврей".

Павел Шахнарович:

— Понимаете, у него был стиль такой — не совковый, не "за советскую власть", можно сказать, западный. Лапин перекрыл ему путь на ТВ. Но этим дело не ограничилось. В 1971 году случилось так, что на один из концертов Ободзинского пришел министр культуры РСФСР некто Попов. Он так был шокирован "западничеством" Ободзинского, что издал распоряжение, запрещающее певцу работать в РСФСР. Длилось это безобразие около года. И вот однажды в Днепрпетровске на концерт пришел тов. Шауро — заведующий отделом культуры ЦК КПСС, "весьма сильный" человек. Я очень обрадовался:

— Валера, выдавай на всю катушку, а я уж с ним поговорю.

Мы пришли к нему на Старую площадь вместе с Валерием. Он тут же распорядился: уже через несколько минут в Донецкой филармонии знали, что нам можно работать где угодно.

УСПЕХ

Вплоть до 1975 года, когда Ободзинский в роковую новогоднюю ночь выпил свою первую рюмку водки после 15-летнего жесткого воздержания, у него была абсолютно звездная жизнь. Такого количества концертов и таких аншлагов, пожалуй, не было ни у кого. Примеры? Сколько угодно!

Павел Шахнарович:

— В те годы с ним мог соперничать только Магомаев. И то, для сравнения: в Запорожье у Магомаева — 7 дней, 8 концертов, на круг 89% заполняемости зала. Мы работаем 10 дней, 14 концертов, 100% аншлаг плюс еще процентов двадцать мы продаем входных. Вот что такое тогда был Ободзинский. Конечно, основная часть публики — молодежь и особенно девочки. Девочки — это был наш бич. Мы переезжаем из города в город — за нами человек десять девочек едут всегда. Бывало, по месяцу за нами ездили. В этом отношении он был большой специалист. Говорил:

— Слушай, я от этих девок устал уже. Но ведь жалко их. У них и денег на билеты нет. Ты уж их посади.

Жена, которая ездила на гастроли с ним, относилась ко всему спокойно — а что делать?

Однажды в Южно-Сахалинске нас попросили выступить в открытом море на огромном сейнере. Поднимали нас туда по очереди в гигантской сети для ловли рыбы. Заманили туда икрой. И действительно: всем дали по 10 кг, а нам с Ободзинским — аж по 50 кг в банках по 400 г. Мы долго потом с ней ездили, а когда открыли пару банок (Магомаева пригласили, хотели угостить) — она "пшикнула". Так все сто килограммов и выбросили в море к чертовой матери.

Он был невероятно музыкален. На моих глазах записал две абсолютно но-

вые песни в ДЗЗ с одного раза, просто прослушав фонограмму и взяв в руки текст. Это при том, что он никогда и нигде не учился музыке, даже в музыкальной школе. Он и ноты узнал только в процессе работы, хотя они ему и не очень-то были нужны. Он все делал по слуху. Его официальная ставка была — 13 рублей 50 копеек. Со всеми надбавками получалось около 40 рублей за концерт.

Ободзинский:

— Я зарабатывал по три-четыре тысячи в месяц. Но я их именно зарабатывал, а не "получал"...

Загадки никакой в этой арифметике нет: часть концертов оформлялись официально, но часть — на "фондах" местной филармонии. Такую "липу" делали тогда все.

КАТАСТРОФА

Говорят, что алкоголизм неизлечим. Он бросил пить в 1961 году, встретив свою первую жену Нелю. (У них две дочери — Анжелика и Валерия.) Даже когда они расписывались — это было в Красноярске, — он не выпил глотка шампанского.

Павел Шахнарович:

— С нами тогда стал работать конферансье Алов — наркоман и пьяница, который так и говорил:

— Самый счастливый день у меня будет, когда ты выпьешь водки.

И этот день наступил, вернее, ночь: во время встречи нового, 1976 года Ободзинский заявил:

— Я сейчас выпью водки.

Стали его умолять, жена плакала. Но он выпил. И покатило...

В Омске я положил его в психушку

под чужой фамилией. На концерты его привозила медсестра, затем уводила ночевать в больницу. Я следил, чтобы он не выходил на сцену пьяным, сидел с ним в гримерной. Но однажды вышел ненадолго. Смотрю — он вышел пьяным на сцену. Как-то оставил его в гостинице, номер запер на ключ, а вещи перенес в свой номер, чтобы он не сбежал. Прихожу — он пьяный. Оказалось — стал стучать, пришла горничная, он и велел принести ему коньяк.

Шахнарович перестал с ним работать. Постепенно перестали работать все. Он мог посреди гастрольной поездки записать (однажды даже бросил музыкантов) и, объявив: "Я уезжаю к бабушке в Одессу" (он говорил это всегда, когда напивался, даже когда бабушка умерла) — исчезнуть. Его все перестало интересовать. Он деградировал на глазах. Звонил знакомым, говорил какие-то странные вещи. Однажды позвонил Шахнаровичу:

— Я звоню тебе из Сергиевской Лавры. Я — святой.

Иногда звонил и говорил: "Я — Господь Бог".

была в шоке. Если бы встретила его на улице — не узнала бы. Он работал сторожем на складе галстучной фабрики. Ему там нравилось — его никто не трогал. Потом он переехал ко мне. Я его уговаривала петь, мне так хотелось, чтобы он вышел на сцену. Но он не хотел. Почему он прекратил петь? Теперь можно только строить предположения. Мне он этого не объяснил, все повторял: я тебе потом скажу. Но это "потом" так и не наступило. Я чувствовала, что он устал. С одной стороны — безумная популярность, любовь со стороны народа, бесконечные гастроли, переполненные залы, конная милиция на московских концертах, а с другой — унижение перед начальством, выпрашивание эфира на ТВ.

В последние пять лет он был нестабилен. Срывался. Периодически впадал в амбиции. Ему предлагали спеть две песни за 500 долларов, но он отказывался:

Анна Есенина:

— Он как будто забыл, что он был певцом. Говорил: хочу быть простым мужиком. Ему было больно. Ему нравилось готовить, дома сидеть, с собакой гулять — дворняжкой Фимой. Радовался Мише и Грише, когда они к нам приходили — это у него поклонники такие были, очень интеллигентные люди. Говорил с ними об искусстве.

Первый концерт (вернее, выступление в сборном эстрадном концерте) после 7-летнего перерыва состоялся в сентябре 94-го года в "России". Почти не волновался — во всяком случае, внешне этого не выказывал. Вышел и запел так, как будто никакого перерыва не было. Ему устроили овацию. А пел он песни... Вертинского. Не стилизуя, не подражая — абсолютно в своей манере. У меня есть кассета с записями песен Вертинского — это классно.

Анна Есенина:

— Когда он был жив, многие звонили, приглашали выступить. На панихиду пришли все: Кобзон, Лещенко, Асадулин стоял, давал автографы у гроба Ободзинского. Иосиф Давыдович принес венок, сказал речь. Потом мне звонили:

— Слушай, говорят, Кобзон тебе помог с похоронами?

Он ненавидел тусовку, не переносил фальши. Презирал лицемерные отношения. И такой он был человек, что если уж очень его доставали, то он мог и послать.

Это звучит фантастично, но во время похорон, когда у его гроба друзья-товарищи произносили речи, застекленная фотография Валерия Владимировича, выставленная у гроба, вдруг с грохотом слетела с подставки, обдав толпу брызгами разбившегося стекла. Все обалдели, воцарилась мертвая тишина.

Анна дала мне посмотреть видеозаписи Ободзинского, сделанные незадолго до смерти. Снятые для ТВ, они никуда не пошли.

Ободзинский:

— У меня нет друзей. Я не верю в них. Я не люблю ЦДРИ, не могу терпеть, когда человек говорит мне о вас гадости за глаза, а потом, когда вы появляетесь, кидается вам на шею и объясняется в любви.

ЭПИЛОГ

Дирекция ЦДРИ бесплатно предоставила помещение для панихиды. Москонцерт выделил 5 миллионов рублей. Все сказали речи. Словом, как могли — помогли.

Ободзинский любил все красивое. Похороны были устроены "на всю катушку". Бьюик, лифт в могилу. Место выделили шикарное на Кунцевском кладбище. Там павлин ходит. Проводить Ободзинского пришли человек триста.

Анна Есенина:

— Ведь Валера, я считаю, был великий русский певец.

Ему было всего 55 лет. Он имел все в советское время и мог бы иметь гораздо больше сейчас. Но не захотел. И на вопрос "Почему?" мы, наверное, не сможем ответить никогда.